

ГЛАВА 17. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК «СИНДРОМ ПОГЛОЩЕНИЯ» В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ

А.Д.Богатуров

Первое десятилетие в отсутствие горько-бесславно почившей в 1991 г. биполярности приблизилось к завершению. После недолгого этапа наступившего затем кризиса миросистемного регулирования, когда управлять миром по-старому державы уже не могли, а дирижировать им по-новому — еще не умели, в международных отношениях с середины 90-х годов утвердилось плюралистическая однополярность. Тон под ее сенью стали задавать США и теснее примкнувшие к ним «старые» члены большой семерки — страны Западной Европы, Япония и Канада. Эта группа, умело взаимодействуя с ООН и используя «карту НАТО», за несколько лет между Дейтоновскими соглашениями (декабрь 1995) и операцией в Косово (май 1999) произвела в международных отношениях своего рода бескровный переворот, выстроив рядом с прежней системой мироуправления, создававшейся вокруг ООН, новую вертикаль принятия и реализации решений («семерка» — НАТО). За неполные десять лет устоялся параллельный неформальный механизм международного регулирования, эффективность которого оказалась выше официального, ооновского.

Несмотря на остерегающие сегования Пекина и эхом отзывающиеся в Москве призывы к строительству многополярного мира, сообщество стран и народов сделалось еще более иерархичным. На вершине новой пирамиды утвердилось США и их ближайшие союзники, которые стали энергично проецировать свое лидерство на разные уголки планеты, не особенно церемонно прибегая при необходимости к использованию силы. Наиболее развитые страны, преодолев колебания, спешно ринулись реализовывать исторический шанс для, пользуясь терминологией классика британской школы теории международных отношений Хэдли Булла, ускоренного преобразования «международной системы» в «мировое общество».

I

Поясним некоторые термины. «Впечатан» в международный интеллектуальный оборот понятие мирового общества в конце 70-х, Хэдли Булл считал, что на всех исторических периодах внутри международной системы (*international system*), охватывающей все государства мира, существовало некое протоядро международного общества (*international society*). Разница между первым и вторым заключалась в том, что страны, входящие в «международное общество», в отношениях между собой руководствовались не только практическими

интересами момента, но и некоторым более или менее общепризнанным кодексом поведения, наличие которого, в свою очередь, определялось существованием в отношениях между ними пласта всеми признаваемых и разделяемых нравственных ценностей. В качестве классического примера античного «международного общества» Булл считал совокупность греческих полисов, подчеркивая, что в международную систему того периода помимо этих полисов входили еще и негреческие государства — Персия и Карфаген¹. Рассматривая разные виды «международных обществ» («христианский», «европейский» и др.), Булл в конце концов и пришел к формулированию идеи «мирового международного общества» (world international society), по-прежнему четко отделяя его от совокупности всего «остального», что составляет международную систему.

Для ясности изложения важно уточнить словоупотребление. В значении буллова «world international society» — букв. «мировое международное общество» — далее в предлагаемом анализе будет использоваться выражение «мировое общество», а вместо сочетания «международная система» (international system) мы предпочтем писать «международное сообщество». Первая замена подсказана чисто переводческой интуицией и связана с соображениями удобства для восприятия русским читателем. Вторая — значима содержательно. Свойственное Буллу видение международных отношений через призму системности было характерным и новаторским для 60-80 годов. В 90-х оно перестало казаться единственно адекватным достигнутому уровню методологии знания — во многом благодаря диффузии в науку о международных отношениях понятий и логики синергетики, подходы которой не укладываются в системное видение. Это побуждает избегать расширительного употребления слова «система»², тем более что, как будет показано ниже, видение международных отношений как системы по меньшей мере не полно в отрыве от их рассмотрения в качестве глобального конгломерата.

Ставшая достоянием читающей публики в 1977 г., но по достоинству оцененная только на рубеже 90-х годов, в пору «перестройки», концепция Булла не имеет, конечно, статуса официального «догмата веры» для западных политиков. Но идеи ее автора, а еще более —

¹ Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. New York, Columbia University Press, 1995. Chapters 1, 2. С. 3-50, особ. С. 36, 39.

² Из отечественных журналов гуманитарного направления лидерство в обсуждении синергетики принадлежит «Вопросам философии». См., напр., серию статей на эту тему в № 3 упомянутого журнала за 1997 г. Из российских методологов международных отношений пионером в практическом использовании аналитических возможностей синергетики является М.А.Чешков. См. его обобщающий свод «Глобальный контекст современной России. Очерки теории и методологии мироцелостности» (М.: МОНФ, 1999). В этом же ряду следует назвать Л.Я.Бородкина, который, однако, работает преимущественно на материале исторических исследований.

их переосмысления позднейшими авторами представляются едва ли не ключевыми для понимания смысла сегодняшнего мирополитического процесса и основного противоречия современных международных отношений.

Несомненно, самого Булла прежде всего и в основном занимал вопрос не о структуре современного ему мира, а о правилах поведения государств на международной арене и о том, как эти правила действуют (в тех случаях, когда они действуют на самом деле). Взаимоотношения «мирового общества» и «международного сообщества» были для него вторичны, и уж совсем мало его волновал вопрос о перспективах и методах «преподавания» этих правил государствам, которые в силу каких-то причин (еще?) не вошли в круг индустриальных демократических стран, составляющих, по Буллу, немного идеализированный праобраз мирового общества, его ячейку в международном сообществе, из которой на весь остальной мир распространяются импульсы благотворного влияния, результатом которого в самом деле может быть постепенное распространение норм международного права в результате взаимодействия государств.

В картине мира по Буллу страны-носители сознания мирового общества составляли меньшинство, но они представляли передовую часть международного сообщества, обладая не только военно-техническим и экономическим, но и моральным превосходством, в значительной мере в силу принадлежности к демократической традиции. Естественно, что для мыслителя либеральной школы самодостаточная ценность этой традиции проверке сомнением даже не подлежала — подобно тому, как не подлежала таковой до 1991 г. «социалистическая перспектива» в Советском Союзе, — интеллектуальная ситуация, может быть, нормальная для западного сознания, избалованного десятилетним победоносным шествием либерализма, но озадачивающая в России, где здоровое аналитическое сознание привыкло беречь в себе способность к сомнению, помноженную на аллергию к истинам, не подтверждаемым опытом конкретных страновых и исторических условий. Вот почему русского читателя превосходная по стройности мысли и абсолютно антитоталитарная концепция Булла обескураживает некоторыми логическими параллелями: вольно или невольно, «мировое общество» по Буллу воспринимается ни чем иным, как «авангардом международного сообщества», до грустно-комичного сходно с тем, как в качестве революционного авангарда рабочего класса в работах В.И.Ленина фигурирует незабвенная коммунистическая партия¹. Правда, так же как Ленин не считал нужным «поднимать весь класс до уровня авангарда», Булл — к его достоинству — тоже в сущности не настаивал на распространении мирового общества на все сообщество наций.

Он справедливо полагал, что и в международном сообществе между странами может быть много общего — например, стремление

¹ Ленин В.И. Что делать? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6 (раздел Д).

избежать потерь в войнах и поэтому снизить вероятность самих войн. Но только в мировом обществе, настаивал Булл, государства спаяны глубокой приверженностью единым стандартам этики и морали. В мировом обществе войны как таковые, считал он, утрачивают смысл, поскольку они противоречат принципиальному настрою государств на уважение в отношениях друг с другом ценностей рационально понимаемых свободы, демократии и мира для каждого как условия процветания всех. Отсюда знаменито романтический вывод: демократии (по определению) не воюют (и не могут, не предназначены для того, чтобы воевать) между собой.

Булл в самом деле не помышлял об «экспорте мирового общества», то есть о его взрывном распространении на весь мир, хоть и не исключал чего-либо подобного в принципе. Идея мировой пролетарской революции была, по-видимому, слишком отвратительна Буллу, чтобы он не постарался уберечь свою схему от вульгарного прозелитизма. Да и в целом дух его работы был преимущественно оборонительным: автор скорее стремился отграничить «авангард» мира от его «арьергарда», чтобы постулировать ценность избранности демократических стран, даже если она была избранностью меньшинства. (В подсознании звучат цветаевское возвышенно-трагическое «гетто избранничеств» и одновременно — «снижающее» раннесоветское «лучше меньше, да лучше»¹.)

Самозащитный пафос Булла соответствовал духу первой половины 70-х годов, с естественным для западного интеллекта шоком от поражения США во Вьетнаме (1973), с одной стороны, и дерзкой «нефтяной атакой» арабских стран на Запад (1973-1974), с другой. В такой обстановке идея мирового общества ориентировала на ценность консолидации рядов развитых стран: раз демократии не воюют друг с другом, то они рождены для сотрудничества, которое и есть залог благоденствия — для «мирового общества» прежде всего, но и всех остальных тоже.

Хотя до «перестройки» Булл не дожил, его идеи, похоже, «оплодотворили» целое поколение писателей глобализации, интерпретации которых в силу изменившейся обстановки утратили оборонительно-мобилизующий настрой оригинала, обретя черты наступательности настолько, что в совокупности многообразные теории глобализации сегодня вызывают ассоциации не с «гетто избранничеств», а с призраком «мировой либеральной революции» — зеркально отраженной и перекодированной сообразно реалиям конца XX в. коммунистической химерой всемирной революции пролетариев.

Мировое общество, которое исходно мыслилось привилегированным клубом цивилизованных стран, после распада СССР и разворота пост-социалистических государств к сотрудничеству с Западом, стало почитаться безальтернативной перспективой всего челове-

¹ Цветаева М. Поэма конца // Сочинения. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. М.: Художественная литература, 1980. С. 393.

чества, если только таковое не вознамерилось бы во вред себе предпочесть остаться за порогом райской обители индустриальных и постиндустриальных культурности и благополучия. Из вполне искренних побуждений странам международного сообщества стали предлагать поскорее «подрости» до уровня мирового общества, обещая при этом помощь и поддержку, с одной стороны, и попугивая «все равно неизбежным» рано или поздно поглощением сверхмощной экономической машиной Запада (вследствие глобализации), с другой. Международное сообщество стало выглядеть как внешняя оболочка разбухающего ядра мирового общества, которую последнее должно неминуемо заполнить.

Концепция «расширения демократии», которую весной 1993 г. огласил помощник президента США по национальной безопасности Энтони Лейк, стала политико-идеологическим обрамлением этико-теоретической платформы для практической реализации той интеллектуальной парадигмы, которая выросла на Западе из синтеза исходной идеи мирового общества и наслоившихся поверх нее концепций глобализации. Начало переговоров о расширении НАТО в 1997 г. и параллельное распространение на восток европейских интеграционных структур стали рубежными событиями с точки зрения осуществления того, что предначертали теоретики. *Распространение, экспансия мирового общества на планете стало главной тенденцией международной жизни 90-х годов.* В Восточной Европе, на пост-советском пространстве, кое-где в Азии и вообще всюду, где это было возможно, стали культивироваться слабые и неустойчивые пост-тоталитарные плюралистические режимы рыночной ориентации, каждый из которых претендовал на звание демократического.

II

Экспансия (термин употребляется безоценочно, как синоним «распространения» и «расширения») мирового общества в сферу международного сообщества, конечно, не была результатом только мыслительных упражнений теоретиков и конъюнктурных побуждений политиков. Ее фундаментом во многом служили как материальные, так и виртуальные новации, обобщаемые в обыденном политологическом дискурсе расплывчатым словом «глобализация»¹. Этим неточным сло-

¹ В отечественной литературе проблематика глобализации стала обсуждаться с отставанием, по меньшей мере, на 2-4 года по сравнению с Западом. Сегодня на страницах российских изданий представлены, по крайней мере, три типа публикаций — переводные статьи иностранных авторов, фактически являющиеся их адаптированными вариантами работы русских по происхождению авторов, постоянно работающих за рубежом, и публикации собственно российских исследователей, которые стремятся посмотреть на глобализацию через призму отечественных экономических и политических реальностей. Хотя практически никто из российских авторов не решается оценивать глобализацию отрицательно, в русских публикациях отчетливо звучит мотив тревоги по поводу

вом в литературе 90-х годов обозначалось в различных сочетаниях, по меньшей мере, восемь основных взаимосвязанных тенденций и явлений:

1) объективное повышение проницаемости межгосударственных перегородок, выражающееся в феноменах «преодоления границ» и «экономического гражданства»¹;

2) резкое возрастание объемов и интенсивности трансгосударственных, транснациональных перетоков капиталов, информации, услуг и человеческих ресурсов;

3) массированное распространение западных стандартов потребления, быта, само- и мировосприятия на все другие части планеты;

4) усиление роли вне-, над-, транс- и просто не-государственных регуляторов мировой экономики и международных отношений²;

5) форсирование экспорта и вживления в политическую ткань разных стран мира тех или других вариаций модели демократического государственного устройства;

6) формирование виртуального пространства электронно-коммуникационного общения, резко увеличивающего возможности для социализации личности, то есть для непосредственного приобщения индивида в пассивном или интерактивном качествах к общемировым информационным процессам, независимо от его местонахождения;

7) возникновение и культивирование в сфере глобальных информационных сетей образа всеобщей ответственности и ответственности каждого индивида за чужие судьбы, проблемы, конфликты, состояние окружающей среды, политические и иные события в любых, возможно, даже не известных человеку уголках мира;

8) наконец, возникновение «идеологии глобализации» как совокупности взаимосвязанных постулатов, призванных обосновать одновременно благо и неизбежность тенденций, «работающих» на объединение мира под руководством его цивилизованного центра, под которым так или иначе подразумеваются США и «группа семи».

преувеличенных оценок позитивных последствий глобализации для международных отношений и развития отдельных стран. См., напр.: Володин А.Г., Широков Г.К. Глобализация: истоки, тенденции, перспективы // Полис. 1999. № 5; Коллонтай В. О нелиберальной модели глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 10.

Впрочем, трезво-критический настрой к анализу глобализации и исследованию ее противоречивых последствий для международных отношений представлен и в доступных российскому исследователю западных работах. См., напр.: Cox R.W. A Perspective on Globalization // Globalization: Critical Reflections / Ed. by J.H.Mittelman. Boulder; Lodon: Lynne Rienner, 1997. P. 21-32; Mittelman J.H. The Dynamics of Globalization // Globalization: Critical Reflections / Ed. by J.H.Mittelman. P. 1-20.

¹ Sassen S. Losing Control. Sovereignty in the Age of Globalization. N.Y.: Columbia University Press, 1996. P. 31-33.

² Julius D. Globalization and stakeholder conflict: a corporate perspective // International Affairs. 1997. № 3. P. 453-455.

Простой обзор проявлений «глобализации» позволяет подразделить их на материальные (объективные) и виртуальные (манипуляционные). К первым относится все, что касается реального движения финансовых потоков и его обеспечения, трансферта технологий, товаров и услуг, массовых миграций, строительства глобальных информационных сетей и т.п. Ко вторым — содержательное наполнение этих сетей, распространение определенных ценностей и оценочных стандартов, формирование и продвижение предназначенных международному общественному мнению психологических и политико-психологических установок. Очевидно, «глобализация» — это не только то, что существует на самом деле, но и то, что людям предлагают думать и что они на самом деле думают по поводу происходящего и его перспектив.

Последнее уточнение представляется важным. В самом деле, если материальные проявления глобализации не вызывают сомнений, так как они ежедневно подтверждаются жизненной практикой, то ряд «выводов», формально апеллирующих к материальной стороне глобализации, не кажутся ни безупречными, ни единственно возможными вариантами понимания действительности. Во всяком случае — в той мере, как об этом позволяет судить опыт и анализ ситуации на пространстве новых государств зоны бывшего СССР и в России, равно как и размышления о необходимости анализировать международные отношения выходя за рамки милого (сердцам моего поколения), но уже недостаточного исключительно системного взгляда на реальность.

Из спорных постулатов теорий глобализации изнутри российской политико-интеллектуальной ситуации наиболее сомнительными кажутся три: а) кризис и устаревание государства, б) модернизация и вестернизация как естественно предназначенный результат глобализации, в) «демократическая однополярность» как предпочтительный способ самоорганизации международной структуры.

III

Идея отмирания государства хорошо известна в отечественной традиции по трудам русских коммунистов и левых социал-демократов, заимствовавших представление о возможности замены старого государства «свободно самоуправляющимися» сообществами граждан из западноевропейских источников. Правда, с победой советской власти в России и возникновением «реального социализма» гипотеза отмирания государства была отодвинута в неопределенное будущее, а укрепление социалистической державы стало считаться важнейшей национальной задачей — как то было и при Романовых применительно к организму империи. Ситуация не менялась в принципиальном плане до конца 80-х годов, когда руководство М.С.Горбачева вынужденно и боязливо приступило к реформе государственной системы СССР. Речь пошла об изменении отношений компартии с государством и о модификации основ самой советской федерации.

Но попытка отхода от презумпции ценности государственных начал окончилась для СССР плачевно, хотя лично Б.Н.Ельцину

циничная игра на антигосударственной волне принесла успех, позволив ему прийти к верховной власти в Российской Федерации в результате ее «отделения» в 1991 г. от СССР. Последовавшие за тем смутные годы всеобщей суверенизации и кризисов самоопределения (первая чеченская война 1996 г.), нестабильности государственных институтов (октябрьское восстание и обстрел Белого Дома в 1993 г.) инерционно проходили под знаком отрицания «старого» государства, что оборачивалось отрицанием государства вообще и единого государства в частности, вплоть до формирования в сентябре 1998 г. правительства Примакова, обозначившего поворот к возвращению видоизмененной государственнической идеологии. Вторая чеченская война (1999) символизировала придание российскому государственничеству воинственно-реставрационной формы. Страна стала возвращаться к опоре на сильное государство как все еще главному, хотя уже далеко не единственному и не монопольному инструменту защиты национальных интересов.

События 1998-1999 гг. в России позволили организационно оформиться тенденции, которая и до того выделяла ее на фоне европейских процессов, для которых в 80-90-х годах был характерен последовательный, добровольный и даже несколько самоистязательный (на русский и — в меньшей мере — на американский вкусы) напор интеллигентов и политиков на отрицание национально-государственных начал и идеализацию начал надгосударственных, интеграционных и регионалистских. Западная Европа, присоединяя к себе, прежде всего в лице бывшей ГДР, Европу Центральную, готовилась к отречению от отдельных германского, французского, итальянского или британского государств ради консолидации коллективной субъектности Европейского Союза, непосредственными участниками которого *вместе* (а со временем и *наряду*) с историческими государствами (Францией, Германией, Испанией и Соединенным Королевством) смогли бы стать сегодня входящие в них исторические области — Корсика, Савойя, Бавария, Страна Басков, Шотландия, а может быть и вовсе новообразования в виде «трансграничных еврорегионов» вроде украино-русино-венгерских Карпат, австро-итальянского «Притироля», польско-германской Померании или — как знать — русско-литовско-польско-немецкой «Пруссии-Калининграда»¹.

Таким образом, Европа, начавшая движение к превращению в современный мировой центр в результате революций национального самоопределения XIX в., прошла в нынешнем веке через порожденные национализмом войны 1914-1918 и 1939-1945 гг., чтобы снова столкнуться с угрозой национализма в конце XX в. в условиях мира, благополучия и даже богатства. Реагируя на возобновление националистической угрозы «изнутри», западноевропейские интеллект и политическая воля стали вырабатывать собственный, точно учиты-

¹ Зонова Т.В. От Европы государств к Европе регионов // Полис. 1999. № 5.

вающий региональную специфику рецепт профилактики возобновившейся угрозы и управления вызревающим конфликтом. Отсюда почти ажиотажный интерес «евролибералов» к разработке темы «устаревания» национального государства, в форме «индуцированного невроза» распространяющийся в США и по всему миру¹. Европейский проект кажется поистине отважным и грандиозным, заставляя следить за попытками осуществить его не только с академическим интересом, но и с замираньем сердца: чему он научит Россию в случае своего успеха — и неуспеха тоже?

Смысл европейского рецепта — в попытке растворить проблему самоопределения отдельных этнических групп в интеграции всех европейских народов. Чем острее ощущают в Лондоне шотландскую и североирландскую угрозы, в Париже — корсиканскую, в Мадриде — каталонскую и басконскую, а в Риме — южнотирольскую и ломбардийскую, тем с большим нажимом политики соответствующих стран говорят об ускорении интеграции. В укреплении наднационального начала западноевропейские страны хотят видеть инструмент обуздания радикального самоопределения. Устремление понятное, до тех пор, пока западноевропейцы работают над решением своих собственных проблем, и угрожающее, когда те же методы наднационального регулирования экспортируются за пределы «Интегрированной Европы» — на Балканы или в зону бывшего СССР.

Стоит заметить, что теории глобализации с их безапелляционным акцентом на модернизационном векторе мировых тенденций, преодолении «отсталости» по известным лекалам, в сущности, предлагают в качестве универсальных образцы решений, выработанные из грандиозного, но и во многом специфичного опыта западного индустриального ядра. Когда речь идет о пропаганде такого опыта и его воздействии на умы через демонстрацию собственной привлекательности, места для возражений нет. Но если речь идет о насаждении стандартов «мирового общества» силой, то следует называть вещи своими именами и заключать, что форсированные попытки исходить из «вторичности» и ненужности государственного суверенитета там, где забота об его укреплении объективно является главной задачей момента, влекут за собой кровавые конфликты. Пример насильственного проецирования стандартов мирового общества на не входящие в него, хотя и «приграничные», зоны — ситуация на Балканах.

Понятно, что европейские лидеры болезненно воспринимают обострение проблем самоопределения в этой части мира, потому что из западноевропейских столиц она видится ближайшим периметром границ и естественной сферой влияния «Большой Европы» — почти в точности так же, как именно таковыми считает зону СНГ (как теперь уже явно) большинство российской элиты. Но типологически «не-интегрированная» Европа существенно отличается от «интегрированной».

¹ См.: *Lauterpacht E. Sovereignty — myth or reality?* // *International Affairs*. 1997. № 1. P. 137-139.

И дело не в коммунистических стереотипах ее лидеров: отказавшийся от коммунизма покойный хорватский президент Туджман ни в теории, ни на практике ничем не отличался от «условно коммунистического» сербского президента Милошевича, но Хорватию произвольно зачислили в партнеры Запада, а из Сербии сделали изгоя из-за того, что в Косово она пыталась сделать как раз то, что Хорватия при поддержке Запада на несколько лет раньше сделала в Сербской Крайне. Но Хорватия и Сербия дрались, не жалея себя, за то, что они считали самым главным, за свое новое государственное «я», с точки зрения которого либеральные трактаты об отмирании государства как об общемировой тенденции казались лишь вычурным конструктом утомленного сытостью интеллекта.

Со стороны западноевропейских стран разумно спешить в «над-Европу», готовя теоретическую и политико-идеологическую почву для грядущего слияния: во-первых, фрагментация существующих государств «старой» Западной Европы для западноевропейцев — вполне реальная угроза, на которую они должны реагировать; во-вторых, Западная Европа созрела для «преодоления» традиционной государственности, пройдя перед этим с 1870 по 1945 через три изнурительные войны (франко-прусскую и две мировые), которые как раз и были борьбой за окончательное оформление системы европейских национальных государств.

Большинство новых государств Юго-Восточной, Восточной Европы и зоны бывшего СССР испытывает не столько страх перед национализмом, сколько благодарность к нему как основной движущей силе возникновения этих государств на карте мира. Ни одна из таких стран, включая Россию, не имела западноевропейского опыта «пресыщения» государственностью и «усталости» от нее. Из недр российской жизни западноевропейские предписания о желательности «преодолевать» государственность через интеграцию и регионализацию кажутся просто либерально-утопическим аналогом провалившейся советской концепции развития отсталых обществ из средневековья непосредственно в современное индустриальное общество («социализм» и «коммунизм»), минуя промежуточные стадии рыночных отношений и начального промышленного производства. Даже в новой России, выкарабкавшейся из-под обломков Союза, ощущается страх перед новой эскалацией территориального распада — на него-то и среагировала в 1999 г. российская элита, попытавшись — возможно временно — вернуться к идее укрепления государственности.

В принципе, теоретики упрекают государство справедливо. Во-первых, они выражают сомнения в нужности государства в условиях, когда каждый гражданин в отдельности может непосредственно обратиться для защиты своих интересов в международные правозащитные, судебные и другие органы — от Международной амнистии до Международного суда. Во-вторых, в условиях внутренней устойчивости на западе Европы убедительно звучали слова о необходимости защищать не всепоглощающее налоги государство от людей, а людей

от всемогущего бюрократизированного государства. В-третьих, в современных условиях надгосударственные и трансгосударственные субъекты (международные финансовые институты и МНК) в самом деле обладают ресурсами, намного превосходящими возможности большинства государств, и поэтому суверенитет последних, во всяком случае, экономический, становится фиктивным. Наконец, в-четвертых, как отмечают исследователи, «обычное» государство утрачивает способность регулировать межэтнические отношения, проблемы которых, как предполагается, могут быть лучше разрешены в рамках надгосударственных общностей.

Вряд ли кто-либо взялся бы всерьез спорить по сути любого из этих замечаний. Эти и другие пороки государства очевидны и россиянам. Но в России иным остается соотношение потребностей в защите граждан *от* государства и защите граждан *при его помощи*. Найти управу на произвол российского чиновника хоть и с трудом, но можно хотя бы и в Гааге (в Москве выросла целая агентская сеть по оказанию гражданам соответствующей помощи). Но как при помощи санкции извне России защитить от изгнания из родных домов, похищений людей, взрывов, террора и ракет жителям Ставрополя, Ростовской области и даже Москвы?

Там, где ситуация остается нестабильной и опасной, идея отмирания государства не имеет под собой почвы. Ослабление государственного начала в России угрожает распадом страны. Игнорировать эту опасность в конце 90-х годов не решаются даже и убежденные радикал-демократы. Не случайно откровенно прозападный по приоритетам Союз правых сил (СПС) России — преемник демократического движения начала 90-х годов — осенью 1999 г. в политическом плане решительно перешел на государственнические позиции, в экономическом отношении продолжая отстаивать идею свободного рынка.

Не менее показателен опыт стран СНГ и большей части восточноевропейской зоны бывшего социалистического лагеря, где преобладающей является тенденция не к «преодолению» государства, а к его всемерному усилению, как правило, в интересах силового регулирования внутренних гражданских отношений (Хорватия, Сербия, Румыния, Латвия, Эстония, Белоруссия, Грузия, Казахстан, новые государства Средней Азии), противостояния гипотетической или реальной внешней угрозе (Албания, Македония, Армения и Азербайджан) и задачам социально-экономического развития (Украина). Наконец, абсолютно для всех перечисленных государств наступательная государственническая философия политики является инструментом утверждения (часто избыточного) новой идентичности. Надо ли искать новые аргументы для констатации: важнейший постулат глобализации — «одоление» государства надгосударственностью — по своему значению остается локальным, и для огромного пространства Евразии к востоку от Словении, Венгрии и Польши — равно как и, заметим, той части Североамериканского материка, которую занимают Соединенные Штаты, — его применимость сегодня вызывает больше сомнений, чем понимания.

IV

Как и расхожее объяснение неместимости международных реальностей в русло теорий глобализации посредством отсылки «просто» к фактору исторической асинхронности — отставания России и связанной с ней поясной зоны Центральной Евразии от опережающе развивавшихся ареалов Западной Европы и Северной Америки. Рискнем усомниться в обоснованности глобализаторских построений с методологических позиций.

Очевидно, что при всей мощи внешнего демонстрационного эффекта теорий глобализации они исходят из единственной версии понимания мирового развития — линейно-прогрессивной. Если полагаться на нее, то действительно следует ожидать, что «отставшие» страны со временем «подтянутся», просветятся, избавятся от ненужной (?) архаики традиций, осовременят себя по образу и подобию передового Запада. Так они подготовятся ко «вхождению-интеграции» в мировое общество. При таком взгляде в самом деле трудно возражать против «естественной обреченности» всего мира рано или поздно стать «сплошным Западом», а международного сообщества — мировым обществом. Не придется сомневаться и в надежности нынешней однополярной структуры международных отношений, которая объективно наилучшим образом приспособлена для содействия распространению импульсов глобализации в ее вестернизаторской версии.

Всякая теория склонна к упрощениям, и глобализаторская — не исключение. Так, на языке структурных понятий краеугольный постулат глобализации о перспективе общего уподобления постиндустриальному западному обществу строится на понимании связей между субъектами как связей жестких и лучевых. Имеется в виду, что такие связи проникают повсюду и все видоизменяют на своем пути. Им и отводится роль инструмента унификации мира, формирования в нем единообразных пластов социальной, международной и иной реальности (общие стандарты потребления, поведения и быта, единые ценности, сходные политические практики, модели поведения, родственные художественные вкусы и т.п.).

Но распространение импульса по лучу — не единственный возможный тип связей в социальной и международной среде. Связи не обязательно должны быть жесткими, пронзающими и лучевыми, они могут на деле оказываться мягкими, гибкими и опоясывающими. Значит, передаваемое через них воздействие не обязательно будет «вонзаться вглубь», а может растекаться по поверхности, вдоль внешних мембран-оболочек объекта — как оно и происходит в действительности. Конечно, и через мембраны-оболочки видоизменяющие импульсы могут просачиваться внутрь, оказывая свое влияние, но только медленно, постепенно, дозированно и — в меру большей или меньшей проницаемости мембран. Внешние импульсы смогут воздействовать на внутренние структуры объектов, но не обязательно сумеют радикально изменить их, уподобляя источнику первичного импульса.

Следуя такой логике, не входящие в «гетто избранничеств» мирового общества страны (Россия в том числе), испытывая воздействие внешнего мира, не обязательно должны поддаваться ему настолько, чтобы видоизменялась их (геополитически, культурно-традиционалистски, исторически и проч.) заданная сущность. Причем они могут избегать уподобления, не отказывая себе в прагматическом использовании тех или других благоприятных элементов внешних воздействий, допуская их в одни и не допуская в другие секторы своей внутренней жизни. Так, Япония и Корея, освоив западные стандарты бизнеса, не позволили внешним влияниям разрушить традиционные модели производственного поведения японцев и корейцев (отношение к работе как к сакрализованному долгу; соотношение потребления и отдыха, с одной стороны, и накопления и трудовых затрат, с другой, в пользу последних и т.п.). Более того, сумев найти оптимальные сочетания новаций и архаики, эти страны сами приобрели черты новой субъектности в смысле способности служить образцом подражания для западных обществ, которые в этом смысле стали реципиентами влияния.

Общества, исторически сложившиеся в относительной удаленности от «мирообщественного центра», которые и были объектами приложения усилий модернизаторства (цивилизаторства, глобализаторства), развили в себе особую внутреннюю структуру, которая позволяет успешно совмещать новое (современное) и архаичное (традиционное), не позволяя ни тому, ни другому уничтожить друг друга. Подобная структура представляет собой *конгломерат* одновременно и архаичного, и современного, каждое из которых образует в обществе отдельный анклав¹.

Анклавы со-полагаются рядом и влияют друг на друга, но не сливаются, не образуют общего однородного качества через традиционную (для любезной марксистам диалектики) цепочку: разрушение исходных качеств — слияние-сплав — синтез и образование нового свойства. Анклавы устойчивы — потому, что они устойчиво востребуются обществом на протяжении исторически весьма продолжительных периодов, каждый — в своей исключительном качестве. Поэтому три века модернизации России так и не сделали (и не могли сделать!) ее «современной» в западном смысле слова, хотя и позволили ей развить в себе обширный анклав «современного», который продолжает сосуществовать наряду с еще более масштабным анклавом традиционного типа неформальных общественных отношений, быта, моделей экономического и политического поведения.

Конгломеративная структура (которая типична для России, большинства других так называемых переходных обществ восточноевропейского и пост-советского ареалов, Китая, Индии, Японии и

¹ Анклавно-конгломеративной структуре обществ посвящена наша с А.В.Виноградовым специальная работа. См.: Модель равноположенного развития: варианты сберегающего обновления // Полис. 1999. № 4.

целого ряда других незападных государств) сама по себе не обрекает общество на отставание и застой. Она может быть превосходно приспособленной для восприятия новаций. Просто новации воспринимаются каждым анклавом в отдельности, и, сообразно тому, каждый из них изменяется в пределах собственной структуры. Общий накопленный потенциал новаций в обществе при этом увеличивается, но его дву- (или много-) анклавная структура не разрушается, и соотношение между пластами обоих анклавов остается более или менее устойчивым.

Поэтому «человеческий фактор» — феномен по определению архаичный — в отношениях между российскими губернаторами и членами федерального правительства сегодня не тождествен отношениям между приказными дьяками и просителями времен Алексея Михайловича, хотя в обоих случаях эти отношения вполне архаично регулируются не столько писанным законом, сколько неформальными связями и симпатиями-антипатиями, апеллирующими к землячеству, родству, знакомству, совместному обучению на ранних этапах карьеры, принадлежности к клубам и гласным и негласным объединениям по интересам.

Точно так же «современные» по критериям своего времени методы бюрократического управления при Петре Великом отличаются от сегодняшних процедур прохождения документов для регистрации новых общественных организаций в Минюсте РФ, но методы круговой обороны чиновников перед и сегодня бесправными просителями-гражданами принципиальных изменений не претерпели, и фактический механизм преодоления бюрократических тупиков зависит от наличия или отсутствия у заявителя каналов неформального воздействия на разрешающую инстанцию так же, как и триста лет назад. Чиновнику выгодно выступать носителем «современного», агитируя в соответствии с новыми законами в пользу избрания «своего» депутата в законодательное собрание, и здесь он ведет себя «современно». Но ему не выгодно обеспечивать прозрачность прохождения через его ведомство тех или иных бумаг, и он ведет себя «традиционно», вымогая, например, мзду с очередного просителя.

Примеры легко умножить. Для нашего рассуждения важнее зафиксировать: общество и элита нуждаются в современном и архаичном в равной мере, и до тех пор пока это будет мотивировано подобным образом, «многокамерная», конгломеративная структура общества не изменится, как она принципиально не изменилась в структурном плане за последние три столетия. По этому поводу можно сокрушаться или ликовать, но нельзя и дальше исходить из того, что «скоро» все станет по-другому. Думается, один из главных недостатков современной российской политологии состоит в том, что она снова задержалась на (продолжающемся уже 10 лет) этапе изучения зарубежных наработок, забыв о необходимости наряду с освоением западных открытий углубленно изучать фактическое развитие российской действительности такой, какая она есть, чтобы затем на базе

накопленного материала прийти к обобщениям, способным уточнить и дополнить в ряде существенных положений и зарубежные теории.

Можно ли считать, что современные международные отношения имеют анклавно-конгломеративную структуру? Отвергать эту версию лишь потому, что образованное сознание привыкло полагать иначе, нет оснований. Как нет их для того, чтобы считать единственно возможным понимание единства мира как единства системного, основанного на представлении о жесткой внутренней взаимосвязанности образующих систему элементов и ее тяготении к однородности в силу действия внутрисистемных связей по мере движения по шкале линейного времени.

Ни практически, ни теоретически мир не утратит цельности, отказавшись от линейно-прогрессивного *credo*. Движение-развитие, как хорошо известно в том числе благодаря работам по синергетике, может происходить по колебательным, спиралеобразным и даже более сложным траекториям. С точки зрения не линейного, а спиралевидно-циклического взгляда на историю, например, легко объясняется устойчивый рост безграмотности среди определенных категорий населения в пост-индустриальных США и новой пост-тоталитарной России.

Взгляд на мир как на конгломерат взаимодействующих, но не обереченных на взаимное уподобление (*через фактическое поглощение одного — другим, Не-Запада Западом*) анклавов представляется адекватным живой реальности. От «обратно-идеологизированного» видения мира через призму глобализации-вестернизации конгломеративный подход отличается в трех отношениях.

Во-первых, он органичнее сочетается с фактическим многообразием мира, находя естественное структурное местоположение и функцию для западных и незападных его составляющих. Мир перестает, как сегодня, делиться на «Запад» и «недо-Запад», который должен стать Западом, но еще этого не сделал в силу неразумия, «отсталости» и злонамеренного (коммунистического) упрямства.

В идеале мир-конгломерат предстает состоящим из нескольких равноположенных частей-анклавов, не похожих и не стремящихся походить друг на друга, но взаимно влияющих и взаимно приспособливающихся. Причем «по поверхности» в таком мире на самом деле постепенно формируется общий стабилизирующий пласт разделяемых всеми ценностей (мира, например). Но внутренняя организация каждого анклава не разрушается только потому, что ситуативно анклав (в данном случае — анклав мирового общества) — более выгодно (экономически, экологически, ресурсно) максимально быстро освоить пространство расположенных рядом других анклавов, хотя бы и ценой видоизменения-разрушения последних.

Во-вторых, достоинством анклавно-конгломеративного видения является его миролюбивый, примирительный характер — контрастирующий с воинственностью теорий глобализации, с их нескрываемой ориентацией на поглощение «отсталого» — «передовым» и подразу-

меваемой борьбой цивилизационных разносущностей на выживание. Анклавно-конгломеративный взгляд избавляет от необходимости исходить из неминимости нового мирового антагонизма и намечает пути его предупреждения через отказ от форсирования попыток модернизации — даже и движимой благородным побуждением поддаться лучшими стандартами политического устройства, хозяйствования, потребления и быта.

В-третьих, предлагаемый в работе взгляд по сути дела является вариантом средоохранной (и в этом смысле экологической) рационализации. Он представляет оппозицию инструменталистско-преобразовательскому подходу мирового общества к международному сообществу как среде своего обитания и призывает считаться с ней как с равнозначной составляющей международных отношений, а не как с бессильным объектом «мирообщественных» устремлений. Миру, может быть, стоит помедлить, чтобы лучше понять, куда ведет вектор пост-индустриализма и устойчивого развития на базе расширенного потребления ресурсов и ценой обеднения культурно-духовного многообразия планеты.

Анклавно-конгломеративный подход по-своему, несомненно, воплощает идею целостности мира. Он строится на представлениях о наличии в планетарном организме единых естественно-материальных закономерностей, задающих некоторые общие параметры поведения человеческой общности в целом. Но он противостоит попыткам представить единственный, хотя и соблазнительный с позиций современной культуры потребления, вариант рационализации этого поведения в качестве высшего достижения людского интеллекта.

Объективно современная рациональность с сопутствующим ей типом конкретизации понятий добра и зла неразрывно связана с ресурсопоглощающим, потребительским отношением к среде — социальной, страновой, межстрановой и т.п. Продление этого вектора развития, в пользу которого работают колоссальные материальные интересы и сверхмощные движущие силы МНК, переросшие страновые рамки, — наиболее вероятная перспектива. С этой точки зрения теории глобализации выполняют вполне прикладную роль, они обосновывают наименее затратные пути бесконфликтного расширения природной базы такой модели роста. Однако ресурсоемкий тип развития устаревает, и природно-ресурсный — прежде всего экологический — кризис на планете может неожиданно ускорить этот процесс.

V

Возможно, западным политикам такой оборот событий кажется более реальным, чем они любят в этом признаваться. Во всяком случае, очевидно, что Запад спешит, торопится использовать ту ситуацию, которая сложилась в международных отношениях на рубеже нового века, и закрепить за собой наиболее благоприятные позиции в мире на будущее, по крайней мере, двадцать-пятьдесят лет. Обзор зарубежной литературы убеждает, что в целом Запад удовлетворен

положением международных дел и намечающаяся фронда Китая, России, Индии и, возможно, каких-то еще меньших стран его не слишком пугает. США, как отмечают с подкупающей откровенностью американские коллеги, добились решающего преобладания над всеми своими соперниками и ныне смело проводят «ту же самую стратегию достижения превосходства, которой они следовали с 1945 по 1991 г.»¹. Если же говорить о мнениях западноевропейцев и японцев, то они вполне довольны «просвещенным авторитаризмом» американского лидерства в мире, но опасаются, что США «могут увлечься» и перестанут считаться с мнениями своих более слабых, но в общем очень лояльных к Вашингтону партнеров². Между тем, извне мирового общества картина кажется менее умиротворительной. Гармонию нарушает прежде всего несоответствие методов и процедур управления современными международными отношениями их объективной природе.

Действительность 90-х годов обнаружила ряд важных закономерностей. Во-первых, изменилась и продолжает меняться структурная конфигурация мира. После распада биполярности в 1991 г. условно биполярным мир можно считать только в военно-силовом отношении, да и то при понимании асимметрии возможностей США и России как двух составляющих этой конструкции. Хотя США остались единственным комплексным лидером, мир не приобрел черт классической однополярности. Новый полюс оказался «плюралистичным», и его функции приняли на себя вместе с США шесть других старых членов «группы семи», среди которых Соединенные Штаты, конечно, являются партнером, «более равным, чем остальные». Эти страны фактически образовали орган политического управления мировым обществом, а в той мере как последнее задает тон обстановке в международном сообществе — то и орган мироуправления вообще.

Во-вторых, не успев окрепнуть, однополярная структура мира стала испытывать значительное давление со стороны дебютировавших в 90-х годах в роли глобальных игроков Китая и Индии, первый из которых резко нарастил свои экономические и военные возможности, а вторая, вопреки сопротивлению «старых» великих держав, прорвалась к обладанию ядерным оружием (одновременно с Пакистаном). От этого существенно изменилось соотношение военно-стратегических возможностей в Центральной Евразии.

И Индия, и Китай, но прежде всего последний, обнаружили беспокойство по поводу негласного стремления США начать подго-

¹ Layne C. Rethinking American Grand Strategy. Hegemony and Balance of Power in the Twenty-First Century? // World Policy Journal. 1998. Summer. P. 8.

² Вполне показательная в этом смысле работа французского автора Ж.-М.Гэнно. Давая вполне объективный анализ противоречий современного развития, он, кажется, ничем не обеспокоен так сильно, как кажущимся ему нарастающим нежеланием Вашингтона разделить бремя лидерства с Европой. См.: Guhenno J.M. Globalization and the International System // Journal of Democracy. 1996. № 4. P. 30.

товку для возможного в будущем распространения зон влияния НАТО глубоко в центр Евразии посредством избирательного подключения к системам пара-военного сотрудничества с альянсом центральноазиатских государств и России. Ответным шагом Китая, исходившего из желания помешать дрейфу Москвы к Западу, была попытка предложить России декларативный «антиоднополярный пакт», который и был заключен в 1996 г. в форме российско-китайской Декларации о многополярном мире, трактовки которого российской и китайской сторонами носят антизападную направленность.

Хотя по фактическому значению российско-китайское сближение, улучшение китайско-индийских отношений и оживление российско-индийских связей не дают оснований говорить о становлении в мире многополярной структуры, можно констатировать, что в рамках однополярности уровень централизованности принятия и реализации решений стал ниже, чем он был в условиях биполярности 1945-1991 гг., и продолжает понижаться за счет «рассеянной фронды» по отношению к Западу со стороны арабо-исламского мира, а также активно акцентирующих субрегиональные аспекты своей политики стран Латинской Америки. Есть основания полагать, что, оставаясь «плюралистически однополярным» по методам управления, мир становится одновременно все более децентрализованным, фрагментарным.

В-третьих, реагируя на децентрализацию, в которой старые члены «семерки» увидели вызов своему влиянию, Запад с 1996 г. ужесточил свою политику. Были приняты меры для переобоснования американского присутствия в Европе при видоизменении его материально-технических основ (сокращение американских контингентов и вывод ядерного оружия), начались широкомасштабные мероприятия по выдвиганию передовых рубежей безопасности НАТО к востоку (Венгрия, Польша, Чехия), дважды апробировались натовские механизмы кризисного принятия решений по военным вопросам и непосредственного использования вооруженных сил Альянса в наступательных целях — то есть за пределами национальной территории государств-членов.

Действия НАТО, в свою очередь, оказали провоцирующее воздействие на другие государства, в числе которых Россия впервые после провозглашения независимости прибегла к целенаправленному применению силы на Кавказе, возобновив осенью 1999 г. регулярные боевые действия против мятежа в Чечне, вожди которого попытались распространить зону своих террористических акций на сопредельный Дагестан. В мире произошло понижение порога применения силы, и вооруженные конфликты перестали рассматриваться в качестве экстраординарных явлений.

В-четвертых, произошел серьезный концептуальный сдвиг в понимании того, что является и что не является элементами международного порядка. После «третьей и четвертой» балканских войн в Боснии и Косово произошел фактический, хоть и не формализованный, отказ мирового общества от принципа разрешительности

(*lasser-faire*), считавшегося системообразующим со времен Вестфальского мира 1648 г. и предусматривавшего неограниченную свободу суверенных государств в вопросах внутренней политики в пределах, не угрожающих непосредственно безопасности других стран.

После войны в Косово, когда страны НАТО вмешались во внутренние дела Сербии, не граничившей ни с кем из членов Альянса, стало ясно, что «группа семи» фактически приняла к руководству новую доктрину международного порядка — доктрину «избирательной легитимности». В соответствии с ней страны НАТО присвоили себя право самостоятельно определять параметры легитимности действий суверенных правительств в вопросах внутренней политики и самые пределы государственного суверенитета других государств. Отход от устоявшегося принципа упорядочения международных отношений стал возможен на фоне военного превосходства НАТО над странами-потенциальными объектами политики «избирательной легитимности». От этого в международной политике возрос потенциал недоверия и конфликтности.

И все же, несмотря на противоречивый характер развития, есть основания полагать, что в 90-х годах в целом в мире утвердился новый международный порядок. Для такого вывода есть необходимые основания. Во-первых, появился — плохой или хороший — принцип «избирательной легитимности», которым фактически начинает руководствоваться международное сообщество под давлением «группы семи». ООН и другие международные организации все чаще в каждом отдельном случае рассматривают вопрос о «законности» или «незаконности» политики конкретных правительств государств мира. Расширяется и закрепляется практика принятия практических шагов (санкций, разнообразных форм парасиловых и силовых интервенций) на основе результатов таких обсуждений. Раз за разом создаются прецеденты нарушения классической нормы невмешательства во внутренние дела суверенных государств — эта новая черта, несомненно, является одной из основных характеристик современного международного порядка. Во-вторых, существует ясное соотношение сил и возможностей, которое определяет четкую иерархию стран в мировой политике. Все более или менее хорошо понимают, какие государства и группировки занимают верхние ступени пирамиды и какие теснятся у подножья. В-третьих, большинство стран мира, соглашаясь или не соглашаясь с фактическим положением дел, принимает его в расчет и соответствующим образом строит свою международную политику. В-четвертых, в мире существует согласительный механизм — пусть слабый и несовершенный — в лице ООН, при помощи которого фактическиедемиурги главных международных решений могут при желании устранять наиболее конфликтные несоответствия в ходе реализации попыток мирового общества руководить международным сообществом. В-пятых, по крайней мере отчасти, институты реального (неформального) регулирования международных отношений в лице «семерки» остаются полуоткрытыми — в них формально может

участвовать Россия, к которой (об этом уже ведется речь) может в будущем присоединиться Китай. И хотя сомнительно, чтобы новые члены группы могли скоро сравняться со старыми, их взаимодействие в рамках этой конструкции лучше отсутствия диалога и откровенной разобщенности. Скверное управление миром не хуже отсутствия управляемости вообще, хотя это и недостаточное утешение: однополярность, может быть, и предпочтительней по сравнению с химерами многополярного мира с его неизбежным тяготением к большим войнам, но она неорганична в том смысле, что не соответствует объективной структуре мира. В этом может оказаться одна из причин ее недолговечности.

Нынешний порядок не кажется надежным. Слишком многие страны отчуждены от участия в его регулировании, и слишком откровенно его поборники полагаются на силу. Концепция «избирательной легитимности» в этом смысле не внушает оптимизма, так как игры, в которых участники меняют правила по ходу игры, редко кончаются ко всеобщему благу. В стремлении Запада устанавливать правила, полагаясь на свой интерес, состоит главный риск современной ситуации. Она терпима в той мере, как ведомые мировым обществом остальные члены международного сообщества не имеют ресурсов сопротивляться или полагают, что неудобства пребывания в положении младших партнеров лучше других мыслимых альтернатив. Но эта ситуация противоречит структуре мира-конгломерата. В этом смысле она искусственна и уязвима. Это неизбежно противопоставляет международное сообщество мировому обществу.

Современный порядок не благоприятен для России, роль которой в процессе как его складывания, так и регулирования пассивна и ограничена. Россию учитывают в мировом раскладе — в силу ее огромного геополитического потенциала и остаточной военной мощи. Но отдавая должное ее потенциальным возможностям, партнеры в равной мере учитывают ее неспособность эффективно распорядиться имеющимися ресурсами, сформулировать цели, отвечающие ее реальным потребностям и одновременно соответствующие имеющимся ресурсам, включая организационные ресурсы, характеризующие способность правительства в нужный момент сосредоточить необходимые средства национальной мощи на приоритетных направлениях.

В силу геополитической природы Россия как страна с преобладанием пространственно-ресурсного, а не инструментально-преобразовательского начала является хрупким образованием. Нынешняя формула включения в экономико-производительную сферу мирового общества в краткосрочной перспективе способна обеспечить рост материального благосостояния ее населения, как она и сегодня обеспечивает рядовым россиянам уровень жизни более высокий, чем у граждан безресурсных Болгарии, Грузии или Армении. Смущает не роль сырьевого придатка более развитой части мира, а отсутствие свободы решить, хочет ли страна быть таковой, накапливая богатство в зарубежных банках, или она предпочтет тратить ресурсов меньше,

держат деньги дома и жить богаче, чем по среднесоветским, но скромнее, чем по среднезападным стандартам затрат и потребления.

Втиснутая в нынешний мировой порядок Россия не только не выбирает, но даже теоретически не осмысливает издержки и преимущества альтернативных выборов. В нынешних российских условиях, как продемонстрировал феномен «завещаемого президентства», свобода выбора условна. Но обстоит ли дело иначе в международном сообществе?

* * *

Рубеж веков отмечен десятилетием самого успешного в XX веке этапа экспансии мирового общества в отдаленные и закрытые для внешних влияний уголки планеты. Восемь десятилетий споров, войны, сотрудничества и интеграции спаивавшее себя демократическое ядро международного сообщества с выгодой использовало эпохальный шанс распада биполярности и сделало рывок к преобразованию международного сообщества в мировое общество планетарно-вселенского масштаба.

Но прошедшие годы обнаружили и определенную исчерпанность ресурса исходных ожиданий. Постулировавшаяся долгие годы упрощенная картина мира, источником «неправильного» развития которого считалось идеологическое противоречие прежних, политико-идеологических, Запада и Востока, обнаруживает свою неполноту. Реальный мир, не утрачивая единства, стал проявлять себя организмом, склонным развиваться не только по законам линейного восхождения. Избавившись от страха быть втянутыми в ядерную схватку между двумя супергигантами, страны мира стали обращаться внутрь себя, осмысливая и пытаясь капитализировать внутренние культурно-традиционные, социальные и иные ресурсы, в которых многим из них видится шанс стать более конкурентоспособными перед растущим давлением-соблазном «стать частью Запада».

Ставшая более заметной эта тенденция в случае ее нарастания способна затормозить глобализацию, по крайней мере, в ее поверхностных скоротечных формах уподобления культурных, бытовых и поведенческих стандартов. И хотя, не будучи концептуализированной и не обретя организационно-политической институционализации, эта тенденция вряд ли сможет приостановить глобализацию как таковую, она кажется способной ограничить влияние глобализационных импульсов, которым для сохранения прежних параметров влияния придется искать не просто более изолированные, но и более адекватные формы воздействия — прежде всего в смысле их совместимости с интересами государств, объективно ощущающих себя главным образом объектами международного влияния.

Как долго может сохраняться вектор таким образом направленного развития? Ответить на этот вопрос — захватывающе масштабная задача, встающая перед современным аналитиком международной реальности.